

Василий
Винный

Записки
Заключенного

16+

Василий Винный

Записки заключенного

«Автор»

2017

Винный В.

Записки заключенного / В. Винный — «Автор», 2017

Очень интересная и познавательная книга. Отлично отображена субкультура пенитенциарных учреждений. Материал изложен на основе реальных событий, без вымысла, без идейного (воровского) фанатизма, и романтических прикрас. Рекомендую к прочтению. Бывший начальник СИЗО № 1 города Минска, полковник внутренней службы, автор книги «Расстрельная команда»
Олег Алкаев.

© Винный В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава I	6
ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ	6
Глава II	9
Тюремный лайфхак	9
Глава III	12
СИЗО – ИГРЫ РАЗУМА	12
Глава IV	15
По всем правилам	15
Глава V	18
Работа не волк	18
Глава VI	21
Страсти по отоварке	21
Глава VII	24
Старый дом	24
Глава VIII	27
Тюрьма и тюрьмочка	27
Глава IX	31
Рублевка для нищелюбов	31
Глава X	34
Суровое ПТУ	34
Глава XI	37
Тяга к прекрасному	37
Глава XII	40
Муки спорта	40
Глава XIII	43
Немного чистоты и много проблем	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий Винный

Записки заключенного

"Это как побывать на другой планете и вернуться оттуда живым, – сказала моя знакомая, когда я начал рассказывать ей о своей жизни последних лет, – мало кто об этом знает!" И я решил поделиться впечатлениями о жизни там... в зоне.

Глава I

ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ

В тюрьме, как в школе, насильно собраны люди с изначально разными интересами. Общие взгляды на жизнь вырабатываются потом. Первое, что объединяет, – это постоянное чувство голода, причем, чувство скорее психологическое, нежели физическое. Даже если сыт, но видишь у кого-то что-то вкусненькое, ты понимаешь, что очень хочешь это съесть. У меня был знакомый, успевший до Беларуси пройти пару российских лагерей, он рассказывал, что в российских тюрьмах научился съесть чуть ли не целый торт за раз, хотя, когда впервые сел, об этой сверхспособности у себя даже не подозревал.

Еда не для слабаков

Этот парень не врал: один раз мы, просто так, без всякого повода, сделали торт (сладкое в зоне отдельная тема для разговора). Тяжелый торт, около двух килограммов, с кремом из сливочного масла со сгущенкой. Торт был на четверых, т.е. на человека выходило практически по полкило жирного торта. Этот парень предложил есть его в один присест, все с голодухи согласились (не забывайте про постоянное чувство психологического голода). Заварили около полутора литров чая... Я оказался самым слабым звеном. Этот парень (назовем его Денис) стрескал свой кусок минут за десять, остальные с трудом, но подтянулись за ним, я не смог доесть, потому что стало подташнивать. Денис предложил помочь, я поблагодарил, но отказался, сказав, что отложу на вечер к чаю (примерно через минут сорок я не выдержал и доел торт). Тогда-то он и рассказал, как научился есть огромное количество торта: "потому что второй попытки может не быть, сколько съел за раз, столько съел".

Не скажу, что в зоне плохо кормили. Когда я заехал туда (именно в зону, в тюрьмах кормили гораздо хуже) в 2008 году, порции в столовой наваливали огромные: полная алюминиевая миска супа, глубокая алюминиевая тарелка каши с мясом (многие просили подкинуть, чтобы было с горкой, особенно, если каша с тушенкой), два куса хлеба и кружка киселя – такой был обед в зоне в 2008 году, – коня можно накормить. Обычно из столовой отряд еле "катился", счастливый и сытый.

Но странным образом вся эта сытость часа через полтора-два исчезала. Оставалась только изжога, она была практически всегда и почти у всех после посещения столовой. Ходило много предположений, откуда она берется: кто-то все валил на "комбижир", на котором у нас, якобы, готовили еду (иногда такое чувство действительно возникало), кто-то утверждал, что это из-за черного хлеба, сделанного из третьесортной муки и периодически недопеченного... Черный хлеб ели практически все, как и еду в столовой.

Очарование "положняка"

В принципе, "положняк" (так называют все, что положено, даже любое привычное или устоявшееся состояние, называют "положняком") обладал своим очарованием, он даже казался вкусным, он был вкусным, ведь "вкусно" – понятие относительное. Например, всем нравилась кислая капуста, тушенная с мясом. Не знаю, почему, но был в ней какой-то шарм, и сильнейшая изжога не мешала просить подкинуть в тарелку. Из супов хитом был гороховый. Вторых же блюд, популярных в народе, было несколько: естественно – капуста, пшено, тушенная картошка

и, когда давали, гороховая каша. Меню старались периодически менять, не сильно, но так, раз в год могли начать готовить новые блюда или изменить порядок дней, по которым их подавали.

Бывало, что у всей зоны начинался "праздник живота". Поскольку, как говорили работники кухни, многие продукты нам выдавали, в основном, из военных запасов, у которых заканчивался срок годности (рассказывали, что в столовую привозили замороженные свиные туши с печатями на боках, чуть ли не 60-х годов), то иногда выпадали такие месяцы, когда кормили и на обед, и на ужин кашами и пюре, исключительно, с тушенкой. Естественно, тушенку из всех мясных дополнений к каше, любили больше всего. Или со свининой. Хотя, в основном, на обед давали курицу, разваренную настолько, что от нее оставались лишь нити.

Один раз, какими-то нам неизвестными мыслительными тропами, администрация пришла к выводу, что покупать сгущенку дешевле, чем обычное молоко, и нам в течение пары месяцев трижды в неделю давали по утрам кашу на сгущенке, а не на обычном молоке. Поначалу она была сладкой, пока баландеры (зеки, находящиеся в отряде хозобслуги, в основном повара, дневальные при администрации и пр. Живут отдельным отрядом, чаще всего, – 1-м) не начали ее безбожно красть. Один баландер, когда его выгнали из 1-го отряда и перевели к нам, не стеснясь, рассказывал: если у него в те месяцы не стояла полуторалитровая бутылка со сгущенкой, значит, он что-то сделал не так.

Тушеночный детектив

Вообще, несмотря на то, что, по всем понятиям, и человеческим, и зековским, красть в таком месте, т.е., фактически у своих – моветон, баландеры тырили, не стеснясь. Если знал к ним подходы, то всегда можно было купить за сигареты тушенку, свеклу, картошку, масло, молоко, практически все, чем обладала наша многострадальная столовая. Я только под конец срока нашел "выход" на тушенку и овощи и, знаете что, меня абсолютно не мучила совесть от того, что я, покупая это, способствую бесчестному бизнесу. Как-то не до этого было.

Забрать несчастные пару банок тушенки – была целая детективная история.

После того, как удалось договориться с баландером, которого перевели к нам в отряд, чтобы он вывел на тех, кто продает продукты, меня познакомили с парнем, глядя на которого было понятно – он этим заниматься долго не будет, довольно быстро "попалят" и уберут из столовой. После этого пришлось ждать несколько дней прежде, чем будут готовить кашу с тушенкой.

И вот, наконец-то, день X. Я иду в столовую, с сигаретами.

"Мой" баландер разливал кисель. В столовой всегда находился кто-нибудь из офицеров. Кто-то из них постоянно дремал, облокотившись о колонну, кто-то трепался с зеками, были и те, кто рьяно следил, чтобы, не дай, Бог, кому-нибудь не подкинули добавки. Кроме офицеров, естественно, приходилось опасаться осужденных – "стучать" в зоне любят. Поэтому, я шел ближе к концу очереди, мы с баландером перемигивались, как в кино про шпионов, я протягивал, завернутые в пакет сигареты и шел есть. Тушенку я забирал в окне сдачи грязной посуды либо у этого баландера, либо у другого.

Естественно, такая схема не могла работать долго и без сбоев: завхозу столовой этот парень не отстегивал, вроде, но мне хватило. Уходя, я, естественно, передал это ценное знакомство в надежные руки, но как им эти руки распорядились, не знаю.

Философские замечания об еде

В 2011 году на Беларусь накатила очередная волна кризиса: доллар вырос – порции уменьшились. Они уменьшались и становились все более водянистыми безостановочно. В 2014, в обед, про второе можно было говорить – плевок каши.

В местах, где ты во всем ограничен, особенно в возможности достать то, что нужно, или использовать это открыто, не боясь, любая мелочь приобретает совершенно новую цену. Так, обычные дезодорант или фарфоровая кружка, да какая кружка – чайная ложка, поскольку они запрещены, становятся жесткой контрабандой, и обладание ими – это, не только ни с чем не сравнимое удовольствие пользоваться кусочком нормальной жизни, но и знак статуса, это означает, что ты можешь добыть и... удержать.

Что уж тут говорить об еде, которая не только дает жизненную энергию, но часто определяет настроение, – ведь гораздо лучше себя чувствуешь, когда можешь позволить себе что-то вкусненькое, чем, еженедельно поедая одно и то же, не очень питательное, да и, откровенно говоря, не очень вкусное. Поэтому, видимо, один опытный сиделец, у которого "за плечами" было более двадцати отсиженных лет, еще в СИЗО сказал мне: "Приедешь в зону, в первую очередь уладь вопросы с едой, во вторую – с бытом, и уж только потом с культурой (он имел виду чтение книг и прочие интеллектуальные развлечения).

Глава II

Тюремный лайфхак

Самый тяжелый этап, психологически, естественно, начало срока. И милиция это знает, поэтому всячески старается усложнить жизнь в СИЗО. Раньше, рассказывают, человеку, пока он находился под следствием, была запрещена любая переписка. Это очень давит, особенно, если попал в тюрьму впервые. Но сначала нужно четко разделить понятия.

Зона повышенного комфорта

Ни один приличный зек не назовет зону тюрьмой – это абсолютно разные вещи. Тюрьма – это, так сказать, исправительное учреждение "камерного типа", т.е. СИЗО. И часто располагающаяся в его здании, "крытка" – тюрьма крытого типа, туда направляют закоренелых нарушителей порядка. Из названия понятно, что все время там зеки сидят в камерах, так называемых "хатах". Сидят дружным, сплоченным коллективом иногда по несколько лет, в зависимости от того, как идет следствие по делу (вот где можно брать результаты для эксперимента "Марс 500").

Выводят из хаты только в небольшие бетонные дворики на прогулку, в которых сверху, видимо, чтобы не улетели, натянута сетка-рябица. Раз в неделю зеки моются в "бане", хотя, по моему, лучше называть это помывочным отделением. Пока люди находятся под следствием, им по разрешению следователя можно ходить на одно краткое свидание в месяц. Также из камеры могут вызвать на встречу с адвокатом, следователем или каким-нибудь представителем тюремной администрации. Последняя причина, по которой выводят из хаты – медицинская необходимость. И все... Сидите "дома"! Кроме ежедневных прогулок (на которые могут и не повести, потому что охранникам лень), все остальные возможности выйти бывают крайне редки.

Зона или лагерь или исправительная колония (официально) после тюрьмы кажется почти свободой... Бараки с секторами, по которым можешь свободно ходить. Иногда стадион – правда, он есть не во всех зонах. Выход на промзону, в столовую. Общение с разными людьми, а не только с несколькими сокамерниками. И, самое главное, улица. Свежий воздух. Небо!.. В СИЗО же снаружи на окнах висят "реснички" типа металлических жалюзи, направленных вниз – сквозь которые ничего не видно.

Практические советы

Осложняют жизнь – запреты практически на всё и невозможность достать какие-нибудь необходимые вещи, поскольку спросить их абсолютно не у кого. Поэтому зеки придумали невероятные способы добывать необходимое из подручных средств.

Ножи в камерах запрещены. Есть один на этаж, и его, по просьбе, должен дать контролер. Однажды мы просили нож полдня. Поэтому хлеб в тюрьме режут только канатиком. Канатик плетется из нитки, которую тоже выдают по просьбе, не катушку, а сколько успеешь отмотать, пока охранник не решит, что хватит.

Плетется канатик так. Нитку складывают в несколько слоев. Потом двое зеков начинают закручивать ее в одну сторону. Главное, не перекрутить. Когда нитка закручена достаточно, ее перехватывают посередине, два конца соединяют и медленно дают раскрутиться, периодически расправляя. Эту операцию можно повторить несколько раз, хотя обычно хватает одного. И,

наконец, канатик готов – универсальное режущее средство: режет хлеб, пластик, зеки утверждают, что вымоченный в соленой воде и высушенный, канатик может перерезать даже металлические прутья. Естественно, канатики запрещены, потому что это " удавка для контролера ". Если бы сами контролеры не сказали, я бы и не подумал об этом. При помощи канатиков, даже обычной нитки, делают " мойки ". Нитка хирургически режет пластмассу. И ее используют для того, чтобы разрезать бритвенный станок и достать оттуда лезвие.

Откуда пошло такое название, никто из тех, с кем я сидел, не знает. Мойкой режут то, что не режется канатиком, то есть, все продукты кроме хлеба, и прочие вещи, которые нужно разделить на части. Также мойками стригут ногти, кстати, довольно удобно. Лезвий в каждой хате много: пищевые, хозяйственные, личные. Их постоянно забирает охрана при обысках. Когда я был в Жодинской тюрьме, там выдавали положняковые станки. Бриться ими было невозможно, поэтому все станки прямым ходом шли на производство моек.

На Володарке, наоборот, моек практически не использовали. Там были резаки из баллончиков Ингалипта и прочих лекарственных спреев. Использованный баллончик разгибали, из подручных средств для этого были только железные нары, ложки во время приема пищи и руки. С одной стороны заворачивали, как лист, – это была ручка, а другую периодически подтачивали металлической деталью от одноразовой зажигалки, которая пламя удерживает (к сожалению не нашел ее названия). Эти резаки натачивались до очень острого состояния.

Вскипятить чай в бутылке

Помню, собрали нас, несколько этапов, идущих из разных тюрем в Минск, в транзитке – камере, где сидят зеки, порой, по несколько дней, пока их либо не примут с этапа, либо не отправят на него. Как любая транзитка, эта была абсолютно не обустроена для жизни. Темная камера с металлическими листами на окнах, в которых были просверлены дыры. Одна полутускляя лампочка под потолком. Камера темная, душная, небольшая, приблизительно пять на пять метров, может, меньше. Половину хаты занимала " сцена " – сплошной деревянный настил на возвышении, на котором спят. Согнали туда человек тридцать. Те, кому не хватило места на сцене, а это больше половины людей, валялись прямо на сумках, занимавших почти весь пол камеры.

Мы приехали в выходные. Поэтому была огромная вероятность, что несколько дней придется так и просидеть, пока распределят по камерам. К вечеру первого дня опять захотелось чаю (одно из немногих любимых занятий зеков – пить чай, он в зоне необходим). Кипятка уже не допросишься от охраны. " Паутинку " из проводов, чтобы вскипятить воду, кинуть абсолютно некуда (всегда возите по этапу два кипятильника, минимум, – пригодится). Решили греть воду на огне в пластиковой бутылке. Бутылку нашли относительно быстро. А вот с огнем была проблема. Роллтоны горели неплохо, но быстро, и их бы пришлось известить целую кучу, чтобы довести до кипения полтора литра воды. Бумага и одежда – не вариант: быстро горят и сильно дымят. Решили делать " фитиль ": завернули кусок сала (еле у кого-то выцыганили) в тряпку, распалили.

Фитиль горел долго и весело. Сало не давало ткани быстро сгорать и само хорошо полыхало. Воду мы грели довольно долго, но она закипела! Пластиковая бутылка, несмотря на мои опасения, совершенно не расплавилась, ее только немного покорежило. Для того, чтобы дно не прогорело, его смазали зубной пастой. Еще можно намазать низ бутылки хозяйственным мылом и приклеить к нему фольгу – эффект тот же. Некоторые утверждают, что достаточно просто налить воды и пластик гореть не будет, поскольку все тепло сразу отдается воде. Но я сомневаюсь – мне кажется, что между открытым огнем и пластиком должен быть защитный слой.

В тюрьме – месте, где обычный кривой гвоздь становится огромной ценностью и бережется, как зеница ока, а каждое мелкое бытовое изобретение превращается в маленькую победу, люди учатся ценить самое главное – то, что есть. То умение, которого иногда так не хватает некоторым на воле, чтобы стать немного счастливее и спокойнее. Потому что в этой жизни даже из неподходящих предметов делается именно то, что нужно тебе. Вот он главный тюремный лайфхак: любую паршивую ситуацию можно изменить под себя, главное делать это, не опуская рук и не ждать чего-то от судьбы!

Глава III

СИЗО – ИГРЫ РАЗУМА

Парадокс в том, что именно в СИЗО хочется кому-нибудь довериться, в месте абсолютно не предназначенном для этого чувства. Попав туда впервые, человек, вырванный из привычной жизни, нуждается в поддержке, понимании, в восстановлении психологического равновесия. Милиция прекрасно об этом знает и использует следственные изоляторы на полную катушку, чтобы заставить подсудимого, не желая того, работать на себя. Знают об этом и зеки, мотающие не первый срок, – так называемые "строгачи" (сидящие на строгом режиме). Их задача абсолютно не отличается от милицейской: заставить работать на себя. Поэтому первое и основное правило СИЗО: верить нельзя абсолютно никому... Желательно не доверять и себе...

"Строгачи" сверху

Камеры в СИЗО разделены по режимам содержания. В одних сидят только "первоходы" – те, кто попал в тюрьму впервые, или у кого уже снята судимость, – так называемые хаты общего режима. В других (строгого режима) "строгачи", те, кто мотает не первый срок.

По закону, первоходы со строгачами должны сидеть в разных хатах, чтобы не передавать воровские традиции, не учить разным глупостям и не "выдуривать" еду и прочие нужные вещи. Но всегда, в каждой камере общего режима есть хотя бы один строгач. Это делается для того, чтобы опытный сиделец присматривал за первоходами, учил их тюремным законам и понятиям и, самое главное, втихаря собирал информацию для милиции. Практически у всех строгачей, которых подселяют в камеры к первоходам, есть косяки на зонах во время прошлых отсидок, и они кровно заинтересованы не ехать туда. Им позволяют остаться в СИЗО и перекидывают из камеры в камеру, при условии, что они будут проводить политику администрации.

Помню, на Володарке одного такого строгача забирали из нашей хаты на этап в лагерь. У него была небольшая истерика, он кричал контролерам, что оперативник обещал оставить его в СИЗО. В итоге, его все равно увезли в зону. Собираясь, он втихаря забрал все сигареты из "общака".

Обычно строгачи в хатах для первоходов занимают верхушку пищевой цепочки: у них в арсенале огромное количество баек из лагерной и тюремной жизни, они умело жонглируют "понятиями"... Здесь я говорю о "воровских" понятиях – неписанного, но обязательного к исполнению жизненного закона в зонах. Поскольку он нигде не прописан, то его всегда легко интерпретировать в свою пользу. Опытный зек – мастер софистики.

Арестантское "братство"

Каждая хата в СИЗО – отдельный мир. Зеки могут получать новую информацию только на редких этапах, поэтому о тюремной жизни первоходы получают сведения от "своего" строгача и из тех знаний, которые они почерпнули на свободе (многие крутились, все-таки, в криминальной среде).

Самые главные чувства, которыми пропитан воздух в каждой камере для первоходов, – это ощущение единства всех зеков, крепости воровских духа и закона перед лицом любых опасностей, преступная романтика и арестантская взаимопомощь. Люди объединены общей

бедой на враждебно настроенной территории – это сплачивает. Этим же и пользуются опытные зеки.

По тюрьмам ходит много хрестоматийных баек, герои которых (преступники, естественно) проявили себя либо нестандартно, либо смело. Естественно, все строгачи, которых я встречал в тюрьме, были или героями тех событий, или их свидетелями, или знали непосредственных участников. Таким образом, они повышали свой статус и могли потихоньку манипулировать молодежью.

Один из строгачей (назовем его Костей) возил с собой сумку полную кремов, шампуней, паст, и, если кому-нибудь передавали дорогую косметику, менял ее на дешевую из своей сумки, говоря, что потом, в лагере, он отдаст это нуждающимся. Кое-что, естественно, оставит и себе. Сколько я ни сидел в тюрьме, он все готовился к этапу в зону. Со мной в лагере был парень, заехавший в хату к этому строгачу через пару месяцев после моего отъезда, – Костя все готовился к этапу.

Недопонимание в "дружном" коллективе

В самой первой хате, в которую заехал, я успел за непродолжительное время испортить отношения со всеми. Мы были абсолютно не похожи друг на друга: я – мальчик из университета и четверо гопников моего возраста, кто-то из заводских районов городов, кто-то из деревень. Строгач, молодой парень – 36 лет. Хотя тогда он казался нам взрослым мужиком. Я был немного сноб и плохо скрывал свое отношение к соседям, они отвечали мне взаимностью.

До посадки я пытался заниматься цигун (китайская гимнастика), но почему-то особенно сильно меня потянуло к этим упражнениям в тюрьме. Естественно, мои сокамерниками этого не оценили и начали прикалываться. Чем больше они ржали, тем более усердно я занимался. В итоге они успокоились, видимо, решив, что с больного и спрос маленький, но эта история наложила дополнительный осадок на наши и без того не очень теплые отношения.

И вот, в хате повелось, не без активного участия строгача, что все зачитывали друг другу свои письма, обсуждали их, бывало, что он помогал молодежи писать ответы. Ребята были малограмотные, иногда с трудом объясняли на бумаге, чего хотят. Строгач же, со своим опытом писания писем, выглядел профессором.

Я не считал нужным зачитывать свои письма вслух, поэтому, о чем и с кем я переписываюсь, никто не знал. Так долго продолжаться не могло. В итоге, когда мы в очередной раз получили письма, они начали предъявлять претензии, что мне, видимо, пишет тюремный оперативник, а я в своих ответах рассказываю, что происходит в камере. Поэтому я и не зачитываю свои письма вслух. Естественно, я их послал. Они обиделись, но поделать ничего не могли. По всем понятиям читать чужие письма, если для этого нет серьезных оснований, нельзя – это работа милиции (пример той самой софистики: обвинить в сотрудничестве с милицией, чтобы самому проделать их работу).

Не давите на психику!

Вообще, в тюрьме основная форма давления – психологическая. В закрытой камере, в одном коллективе, 24 часа, если тебя будут постоянно "кусать", можно одуреть. Бывали случаи, когда людей доводили до самоубийства.

Есть в тюрьмах и специальные "пресс-хаты". Там на очень льготных условиях сидят спортсмены или просто здоровые лбы. К ним периодически закидывают тех, кто не хочет признавать вину (если касается какой-нибудь серьезной статьи). И в пресс-хате сами зеки начинают несчастного обрабатывать не только психологически, но и физически. Естественно, сам я этих

хат не видел, но об этом знают все, кто сидел. А столкнувшись с работой милиции, я верю, что такие камеры есть – следователи особенно не переживают о моральной чистоте своих методов.

Со мной в камере сидел парень: он и его младший брат, которому было около 17 лет, обвинялись в убийстве соседки за пенсию. Моего сокамерника периодически возили на ИВС для встречи со следователями. Каждый раз, возвращаясь оттуда, он полдня сидел в легком шоке – младший брат брал на себя и, соответственно, на него новые преступления, которых они не совершали. Для того, чтобы отчитаться о раскрытых "висяках", милиционеры выбирают из подследственных чьи дела ведут, тех, кто абсолютно не «греется» (кого не поддерживают с воли), и предлагают им за чай и сигареты написать явку с повинной о преступлениях, которых те не совершали. Тем, кого подозревают в убийстве, взять на себя несколько краж – не проблема: срок не добавят, только иск вырастет. А это, когда впереди маячит лет 15, и платить ты не собираешься, не повод для беспокойства.

Активно используются стукачи, что естественно. Если это строгач из хаты, то он выводит на разговор о твоём преступлении. Дает советы, иногда весьма ценные. И всячески пытается войти в доверие, чтобы ты рассказал ему больше, и, по возможности, то, чего не рассказывал следователям. Учитывая, что строгач – зек опытный, сидите вы дружным коллективом в небольшой камере 24 часа, то каждое твоё движение, каждое слово запоминается, анализируется и может быть использовано против тебя. Не только строгачом, любым зеком, поскольку, несмотря на братскую взаимопомощь, как в тюрьмах, так и в лагерях, если зазеваешься, тебя обязательно "сожрут" с потрохами. Иногда даже просто так, из любви к искусству и для развлечения.

Поэтому первое и основное правило СИЗО: верить нельзя никому... Желательно не доверять и себе...

Глава IV

По всем правилам

По всем правилам, спать в зоне, тюрьме и, наверное, в ИВС нельзя, – это нарушение. Особенно строго за этим следят в СИЗО. Не во всех, конечно. Но там, где на это обращают внимание, жить становится в разы тяжелее. Мне рассказывали про парня, который умел спать стоя. Он подходил к наре, упирался в нее головой и засыпал.

"Броня" крепка

Я попал в Жодинскую тюрьму в своеобразный переходный период. Дело в том, что в свое время в СИЗО № 8 был начальником Кузовков Владимир Петрович (среди зеков просто Кузовок) – личность легендарная, если не сказать больше! Отсидеть в тюрьме при Кузовке было определенным знаком качества, поскольку этот человек "топил тюрьмы в крови", – как рассказывали старожилы. Говорили, что при нем каждый этап с заключенными встречали побоями и унижениями. Периодически проводились "пожарные тревоги": охранники выстраивались в живой коридор, после чего заключенных выгоняли в прогулочные дворики сквозь этот самый коридор. И пока они бежали, их били охранники палками.

С другой стороны, зеки, которые сидели в те «светлые» времена, рассказывали, что Кузовок также лупил и милиционеров за косяки. А некоторых даже сажал на десять суток в ШИЗО (штрафной изолятор). В общем, не давал никому спуска, держа СИЗО в ежовых рукавицах. Конечно, я бы не поверил этим историям, если бы не попал в Жодинскую тюрьму через два года после того, как Кузовка перевели работать в Витебский централ (тюрьму).

Жодинское СИЗО было моим первым пенитенциарным заведением, не считая ИВС, поэтому оно меня ошарашило. Не успел я выйти из автозака (закрытого грузовика в котором перевозят зеков), на меня сразу начали орать. От меня хотели не многого: чтобы я быстрее двигался, смотрел в пол или стену, молчал, и, вообще, был приличным, с их точки зрения, зеком. В принципе, орали там на всех, поэтому зеки двигались быстро и слаженно.

Потом было многочасовое стояние в "отстойниках" (камерах полтора на два метра), куда загоняли перед шмоном (обыском) по паре десятков человек. Потом сам обыск. А после – развод среди ночи по камерам, и сон до утра на голых металлических нарах, поскольку спальные принадлежности выдают только днем. Хорошо, что соседи дали подстелить куртку.

Запрещали в СИЗО многое. А к куче запретов добавлялись иногда совсем странные требования охранников. Один, например, очень любил, чтобы сливной краник в туалете блестел. И в его смену приходилось два раза в день, перед проверками, натирать этот кусок металла тряпкой с зубной пастой.

По большому счету, зекам в СИЗО делать нечего. Они там просто сидят. Иногда ходят по камере. Раз в день гуляют во дворике. И опять сидят. От этого, со временем, начинает ломить спину и сильно клонить в сон. Поэтому у нас каждый день время после обеда фактически превращалось в мучительную борьбу с желанием поспать. Лежать на нарах тоже нельзя было. Сидеть же на них, опираясь спиной о стенку, получалось через раз (в зависимости от, того какая смена дежурила). Иногда ничего не оставалось, как всей полусонной камере восседать на узкой деревянной скамеечке, опираясь на не менее узкий "общак" (в данном случае стол), и пытаться вздремнуть, опираясь еще и на руки. Класть голову на стол тоже нельзя. И такая история повторялась ежедневно.

Были смены, которые не обращали внимания, сидят зеки на нарах или нет. Тогда заключенные начинали выдумывать различные способы вздремнуть. Некоторые подвязывали к верхней наре веревку, клали сверху голову, чтобы она не опускалась, и так дремали. Но, в основном, все пытались спрятаться за "броню".

"Броней" в тюрьмах называют ограждение туалета от остального пространства камеры. Обычно это металлический лист ровно такой высоты, чтобы прикрывать оголенную часть заключенного, когда тот сидит в уборной. Несмотря на то, что "броня" плохо справлялась с основной функцией ограждения туалета, она прекрасно скрывала от глаз охранников одну из нар, на которую обычно зеки и стремились присесть или прилечь, чтобы вздремнуть. Правда, милиционеры знали об этом, периодически заглядывали в глазок, пересчитывали людей в камере и заставляли спящих выйти из-за "брони". Потом и вовсе днем запретили садиться на ту нару.

Мелочей не бывает

Многим это может показаться мелочью: взрослые мужики, преступники, страдают из-за нехватки дневного сна! Но это далеко не мелочь, это попытка хоть как-то компенсировать постоянное состояние стресса, в которое погружается человек, оказавшись в СИЗО.

В тюрьме, вообще, мелочей не бывает. Все, абсолютно все, – от спички и до возможности лишний раз сходить в туалет приобретает огромную ценность, поскольку всего этого могут в любой момент безвозвратно лишить.

Так, например, парни, которых переводили из камер для несовершеннолетних, рассказывали, что некоторые "старшие" (ударение на и) ограничивали им возможность ходить в туалет. Либо заставляли перед посещением уборной отжиматься, – иначе не пускали. "Старшими" называют взрослых зеков, которых администрация тюрьмы ставит присматривать за порядком в "хате" для несовершеннолетних. Каждый из этих "смотрящих" устанавливает свои правила в камерах для малолеток. Кое-кого из "старших", если тот сильно перегибает палку, бьют.

Вообще, весь срок зеки борются за то, чтобы у них не отобрали мелочи, на которые на свободе даже не обращаешь внимания.

Запрети себе сам

Любой запрет объясняют ПВРом (правилами внутреннего распорядка), чуть ли не цитируя их наизусть. А все разрешения выдают с таким видом, будто делают это исключительно из-за хорошего расположения к зеку. Поэтому заключенные прекрасно знают, чего им, по правилам, нельзя, и абсолютно не в курсе, что им можно. Поскольку заключенным не дают читать эти правила, у них сложилось стойкое убеждение, что абсолютно все милиционеры обманывают и лишают зеков прав, которые прописаны, но не озвучены.

Помню, после освобождения встретил милиционеров, которые работали в моей зоне. Разговорились. Они мне рассказали, что сейчас сильно «зажали» режим содержания в ИК, и виноваты в этом сами заключенные.

Дело в том, что некоторое время назад расформировали одну из колоний, и заключенных оттуда начали разводить по другим лагерям. Но поскольку в каждой зоне свои порядки, то и отношение зеков к окружающей их действительности различается.

Приехавшие оказались борзыми, и с ходу стали подбивать местных сидельцев на то, чтобы те начали требовать соблюдения всех правил, которые прописаны в ПВР. Стали писать жалобы в высшие инстанции. В итоге, руководство колонии не выдержало и решило: "Хотите правил? Получите!" И отдало четкое распоряжение "зажать гайки" по всем правилам. И, более того, применять спецсредства и меры физического воздействия к любому заключенному, кото-

рый будет громко разговаривать с представителем администрации или размахивать руками во время разговора: т.е. бить заключенного, если тот начнёт отстаивать свои права в разговоре. И я уверен, этот приказ начальником был тоже отдан по всем правилам.

Глава V

Работа не волк

«Строгачи», с которыми я встречался на этапах, рассказывали, что в зоне, в принципе, можно себя полностью обеспечить без поддержки с воли. Для этого есть множество способов. Можно стать "промотом" – заниматься куплей-продажей продуктов и вещей с накруткой цены. Можно играть "под интерес", т.е. на ставки (деньги, вещи, продукты), можно быть просто мошенником среди бандитов и делать так, чтобы тебе все отдавали сами. Можно делать и продавать ширпотреб, если умеешь – это всегда ценилось, можно "бить масти", т.е. делать татуировки за плату... "Много возможностей есть, не пропадешь. Главное, крутиться", – говорили они. Но все эти возможности – "бизнес" нелегальный, запрещенный администрацией зоны, за который, если нет "крыши", можно получить кучу нарушений.

Единственный легальный способ зарабатывать деньги в зоне – это промзона (промка, как ее называют).

По рассказам все тех же «строгачей», на производстве в зонах, что при СССР, что сейчас можно получать хорошие деньги. Главное, – работать. Поэтому я надеялся, что в лагере смогу обеспечивать себя хотя бы минимально...

Но все оказалось хуже, чем я предполагал, гораздо хуже... «Промка» в зоне была ужасной! Фактически ее вообще не было...

То, что в лагере называлось "промзоной", состояло из четырех цехов: обувного, швейного, упаковки и деревообработки – разделенных заборами с колючей проволокой. Более-менее приличное строение, напоминающее производственное, было у деревообработки (или попросту ДО), самого большого и многочисленного цеха. Швейка же, обувной и упаковка находились в каких-то серебристых ангарах, казалось, перенесенных сюда из Зоны 51.

ДО, несмотря на большие размеры, было крайне бедно укомплектовано: около десятка старых советских станков, пять из которых вечно разобраны, с большим трудом перерабатывали низкосортную, часто гнилую древесину. Судя по всему, изначально этот цех задумывался как законченный процесс от первичной обработки бревен до готового продукта. Этим "продуктом" были... поддоны. Т.е. ежедневно около трехсот зеков выходили в цех ДО, чтобы выдавать поддоны для кирпичей из полугнилого сырья. Пытались делать и европоддоны, но заказчики, глянув на них, в ужасе отказались.

"Огромные" заработки

От нашей продукции отказывались периодически.

Однажды зоне удалось отхватить заказ у молдаван на производство ящиков для фруктов. Быстро сколотили бригаду, пообещав огромные заработки, и приступили к работе. Делали долго. Хранили, где попало. Сразу оговорюсь: всеми рабочими вопросами руководят милиция и вольнонаемные мастера – часто те же милиционеры с зоны, только на пенсии. Закончили. Приехала фура, прямо из Молдовы. В нее загрузили часть ящиков...

Больше фура не приезжала... Никогда.

Молдаване отказались от заказа, часть которого попросту успела сгнить до их приезда (мастера решили сэкономить и толком не обработали ящики специальным раствором). Кроме того, как потом выяснилось, мастера перепутали, и ящики были сделаны со слишком большими зазорами в дне, сквозь которые проваливались фрукты.

Вообще, практически все косяки, случавшиеся на «промке», происходили либо по вине милиции, либо по вине мастеров. Зеки, что удивительно, относились к работе, когда работали, добросовестно. Удивительно это потому, что зарплат осужденным, фактически не платили.

На ДО работали две специализированные бригады: по производству гробов и срубов. Это были крайне малочисленные сплоченные коллективы, попасть куда без хороших знакомств было невозможно, но очень хотелось, поскольку только там была ОТНОСИТЕЛЬНО приемлемая оплата труда. Обыкновенные работяги получали примерно одинаковую зарплату, на которую можно было купить сто граммов дешевого чая и пару пачек белорусских сигарет. Если уж человек действительно вкалывал, то мог позволить себе еще и халву. По рассказам ребят с других секторов, в остальных цехах платили столько же, иногда даже меньше.

Помню, как веселились зеки, прочитав в "Трудовом пути" (газета-"рупор" Департамента Исполнения Наказаний – ДИНа) интервью начальника нашей промки о том, что у нас в лагере прекрасные зарплаты, которых хватает не только на то, чтобы оплачивать иски, но и отправлять деньги семьям и ходить на отоварку.

Немного увеличили и дифференцировали зарплаты после того как один зек, бывший сотрудник КГБ, постоянно писавший жалобы на тот бардак, который творился в зоне, достал своими бумагами то ли прокуратуру, то ли ДИН, и в зону прикатила проверка.

По рассказам парня, работавшего помощником бригадира, к приезду проверки оказались готовы, и предоставили ей подложные ведомости с завышенными зарплатами и поддельными подписями осужденных. Парень видел эти ведомости и говорил, что там невооруженным глазом заметно, что все подписи сделаны одной рукой. "Но, – меланхолично заметил он – проверка оказалась немного "своя". И, естественно, никаких нарушений не обнаружила.

Работа с огоньком

Периодически еще не пуганные клиенты, давали ИК заказы на производство ящиков, венков, палочек. Милиция и мастера оперативно сколачивали бригаду осужденных для быстрого исполнения работы, пугая огромными зарплатами. Зеки вкалывали, как проклятые, иногда даже в ночные смены, мечтая о том, как будут тратить честно заработанные деньги на отоварке. Заказ успешно отправляли, а зеков радостно «кидали» на деньги: либо вообще не платили, либо платили в разы меньше обещанного. Один раз, вместо денег, дали на всю бригаду две пачки дешевого чая и килограмм конфет. Естественно, подобное отношение к оплате не придавало зекам трудового энтузиазма.

Не придавала этого энтузиазма и ситуация с рабочей одеждой. Администрацию абсолютно не волновало, в каких робах будут работать заключенные. Те, кто не мог договориться или найти сменный комплект, – и работали, и ходили по жилой зоне в одних и тех же вещах. На собраниях, которые периодически проводила с нами милиция, зеки не раз поднимали этот вопрос. Ответом на него было либо гордое молчание, либо встречные обвинения по принципу "сам дурак".

Точно так же администрация отвечала осужденным на вопросы о душе, которого попросту на промке не было, пока зеки, с невероятными усилиями, не выбили разрешение самим сделать душ на один кран. Очередь в него занимали с утра. Мастера же высказывали претензии, что мы тратим на себя слишком много воды...

Таким же молчанием милиция реагировала на претензии о несоблюдении простейшей техники безопасности. Защиты на древних станках не было уже не одну сотню лет, инструктажей не проводилось, но работать на них заставляли с полной выкладкой. Естественно, иногда происходили несчастные случаи. Человека, которого угораздило отпилить себе палец на станке без защиты, или получить бревном, которое выплюнул обратно старый многопил, начинали прессовать уже с санчасти. Единственным требованием к нему было – в объяснительной

взять всю вину на себя: мол, пошел работать, без задания мастера, или чуть ли не специально засунул палец в фуганок. Причем, написать такую объяснительную требовали как врачи, так и милиционеры. Опера пугали несчастного нарушениями и ШИЗО (штрафной изолятор)... За мой срок ни одного несчастного случая по вине мастера или администрации не произошло... Официально, естественно.

Творческий подход к рабочему процессу

Хотя несчастных случаев было немного. В основном, потому что не было работы. Большинство зеков на «промке» без толку ходили взад-вперед часов семь, с перерывом на обед или ужин, в зависимости от того, в какую смену работали: первую или вторую. Гоняли чай, пока какой-то проверяющий из ДИНа не запретил пить чай на «промке». После этого стали пить чай втихаря – появился еще один повод врать милиционерам. Подтягивались на турнике, пока его не спилили милиционеры. Зеки его снова приварили и опять начали подтягиваться. А чем еще заняться?! Работы для всех нет, а выход на промзону обязательный! Только во время проверок из Департамента или еженедельных обходов начальника колонии всех зеков сгоняли в цех, и те либо прятались, либо делали вид, что работают около выключенных станков.

Летом можно было целый день гулять по «локалке», благо у ДО она была большая. В отличие от остальных цехов, мизерные «локалочки» которых совершенно не подходили для прогулок: зекам приходилось целыми днями сидеть в пыльных ангарах и небольшими группами выходить покурить.

Зато зимой ситуация кардинально менялась. Зимой в этих пыльных ангарах было хорошо, тепло, в отличие от огромного, каменного, неотапливаемого цеха деревообработки. Постоянно открывающиеся три двойные двери, огромные, кое-где разбитые, старые окна под потолком – все это делало наш цех совсем неуютным местом зимой. Возле стенки металлической печки, которая подавала теплый воздух в раздевалки, грелись зеки, которым не было места в раздевалках. Хорошо, если зимой температура в цеху не опускалась ниже нуля.

Однажды в стране решили сберечь тепло везде, где это возможно. Зона от прогрессивных веяний не отставала и тоже начала утепляться на зиму. Мастера на ДО подошли к этому вопросу творчески. Они сказали, чтобы зеки прибили изнутри к трем из четырех дверей мешки из-под муки и запихали в образовавшееся пространство вату из телогреек. Сделав это, мастера прикрепили к каждой двери листы с надписью "Закрывайте дверь, берегите тепло". После обивки двери и листов с заклиниванием в цеху, несомненно, стало экономиться гораздо больше тепла. Эта обивка с надписями так и висела круглый год, напоминая о том, что тепло нужно беречь даже летом. А мастера отчитались о проделанной работе...

Вся наша «промка» (да что «промка» – вся зона!) была, как эти двери – сплошная показуха и отчеты на бумаге. По документам, у нас было все: спецодежда, зарплата, техника безопасности, станки, сырье, заказы – только работай. На деле же все было, как было, и даже немного хуже. Поэтому зеки и администрация никогда не могли договориться. Зеки указывали на реальные косяки, милиция отвечала по бумагам. А если убедить "по бумагам" не получилось, – пугали нарушениями.

Глава VI

Страсти по отоварке

В зоне был магазин, если так можно выразиться. Называли его "отоваркой". Когда я приехал, отоварка представляла собой маленькое зарешеченное окошко под козырьком, выходящее на улицу. Учитывая, что внутри было темно, а вокруг топтались нервные зеки, узнать, что продается, иногда бывало крайне тяжело. Хотя ассортимент долгое время сюрпризов не делал: продавали одно и то же и не всегда то, что нужно.

Продуктовый рай

Из товаров первой необходимости были: чай, сигареты, сгущенка, универсальная приправа (положняк сдабривать) – это, в принципе, основные продукты, купив которые, можно почувствовать себя бодрее. Хотя некоторые сократили бы этот список до двух наименований: чай и сигареты, но это лишь от недостатка денег купить что-то еще. Продавалось печенье овсяное или Слодыч, но из-за того, что ассортимент не обновлялся, пока не раскупят то, что есть, оно часто бывало сухим. Конфеты: несколько видов карамелек и леденцов, называемых барабульками, и пара видов шоколадных конфет. Копченая колбаса иногда, растительное масло, кое-что из бытовой химии: порошок, мыло, кремы для и после бритья, шампунь, гель для душа.

Дезодорант был запрещен в любом виде, потому что, как мне сказали милиционеры, забрав мой на склад: "Когда здесь была «малолетка», зеки мазали дезодорант на хлеб и ели, там же спирт содержится". Хотя, насколько я знаю, во многих колониях дезодоранты, не только были разрешены, но и продавались в магазинах. Черный крем для обуви, – другие цвета были не нужны, поскольку обувь разрешалась только черная. Иногда продавались овощи, сало и сыр. В принципе, основной набор продуктов, чтобы превратить день отоварки в праздник для заключенных, был.

Водили на отоварку три раза в месяц, секторами. Один сектор – это локальный участок («локалка»), огороженный забором из прутьев, и жилое помещение, где жили два отряда. Первая неделя каждого месяца была в магазине выходной. Начиная со второй, ежедневно водили отовариваться какой-либо из секторов. В день отоварки, если она была в первую смену (до трех часов дня), народ начинал волноваться с самого утра. Часам к девяти нервозность достигала высшей точки. Кое-кто из зеков уже начинал пробираться к магазину своей дорогой...

По территории колонии по одному ходить официально запрещено. На плацу всегда дежурит кто-то из офицеров или контролеров. Они следят, чтобы заключенные выходили из «локалок» либо с отрядом, либо по фазе. Плац – это центральная дорога, если можно так выразиться, на которую выходят все «локалки», и по которой можно попасть в любую точку зоны, на нем же проводятся ежедневные проверки.

По всей колонии установлены громкоговорители, они установлены и на секторах. В новых зданиях громкоговорители висят даже в спальнях, зеки стараются их отключать, поскольку очень раздражает, когда внезапно, в тишине, громко раздается дурной голос контролера, вызывающий кого-нибудь на КПП-2. Эти громкоговорители называют "фазой". По фазе происходят подъем и отбой, по ней вызывают строиться на проверку, на промзону, в столовую, санчасть. Фаза фактически – рупор администрации. И вот, нервничающие зеки уже с девяти утра ходят по «локалке» и ждут фазу на отоварку. Редко когда бывало, чтобы отоварщицы пришли на работу вовремя. Опоздание на час для них опозданием не считалось.

Добраться любым способом

Как я уже говорил, некоторые зеки пытались прошмыгнуть на отоварку заранее, и тут было несколько тактических ходов. Во-первых, можно было записаться в санчасть, по фазе выйти в нее, даже прийти туда, потоптаться в холле, а вот в сектор не вернуться. Чтобы понять смысл этих телодвижений нужно немного рассказать о географии ИК-3.

Плац в колонии овальной формы, внутри этого овала – стадион, а по наружному краю – здания. Его ширина около трех с половиной метров. Сама колония разделена условно на две части: жилую, где стоят сектора, и нежилую: в ней находятся административные здания, столовая, санчасть, ворота на промзону, отоварка, клуб. Офицер или наряд контролеров патрулируют именно "жилую" часть, поэтому, проскочив опасный участок, счастливчик мог чувствовать себя в относительной безопасности. Конечно, и там можно было попасться на глаза каким-нибудь залетным сотрудникам. Но, чаще всего, если они не дежурили по территории, им было абсолютно "по барабану", куда ты идешь, тем более, что дежурный по плацу тебя пропустил. Там "счастливчики" и дожидались фазу на отоварку, чтобы закупиться, пока первый "заход" только будет строиться возле сектора.

Второй способ был прост, как лопата, и полностью зависел от того, кто дежурит по плацу. Если дежурили более-менее нормальные офицер или контролеры, можно было попробовать пройти, сделав лицо клином, и надеясь, что тебя не остановят. Ну, или высмотрев, когда они пойдут с обходом по секторам, проскочить по пустому плацу.

Все эти эквилибристические упражнения делались с одной единственной целью – НЕ СТОЯТЬ В ОЧЕРЕДИ. Поскольку стояние иногда отнимало до двух часов жизни, причем, проходила эта народная забава на открытом воздухе, и зимой можно было померзнуть. Грели шутки и периодическая ругань из-за того, что порядок в очереди нарушается. Не стоит забывать, что колония – это режимное учреждение. Не знаю, как завозили в отоварку продукты, но иногда привоз товара напоминал снабжение блокадного Ленинграда. Не купив нужный продукт на первой отоварке, его можно было не увидеть потом в течение месяца – это тоже стимулировало стремление зеков побыстрее добраться до магазина.

Году в 2011-м отоварка перебазировалась в другое, более просторное здание, в ней появились прилавки, и помещаться там стало до пяти зеков за раз. Отоварка стала похожа на маленькую лавку, не только по оформлению, но и по ассортименту. Появилось мороженое (для зоны это было действительно событием!), сливочное масло, майонез, сырки... А перед одним из Новых Годов в продаже появилась красная икра (!) в банках, не знаю, хватило ли у кого-нибудь смелости или денег ее купить. В общем, жизнь начала потихоньку налаживаться!

Денег много, продуктов много, а толку мало

Единственным ощутимым недостатком магазина оставался "лимит отоварки". Это словосочетание портило жизнь многим осужденным.

Зеки ограничены в деньгах, которые ежемесячно могут тратить в магазине. Если нет иска и нарушений, то заключенный, попадая в зону, может тратить три базовых величины. Через одну четверть срока на общем режиме и одну треть на усиленном, если человек сидит без нарушений, его переводят на улучшенные условия содержания. Кроме дополнительных свиданий и передач, разрешается тратить и дополнительные деньги на отоварку (на общем режиме – три базовых величины, на усиленном – две). У тех, кто нарушает режим содержания, – ограничение в одну базовую величину. Так же ограничены, вне зависимости от того, как хорошо себя ведет человек, и зеки с исками.

И тут выявилась интересная закономерность: позволить себе отовариваться на пять базовых величин, в основном, могли именно те, кому этого делать не позволяли, – зеки с исками. Это были либо бывшие бизнесмены, сидящие за налоги или незаконную предпринимательскую деятельность, либо взяточники-чиновники, в общем, те, кого ждали, и о ком заботились.

С другой стороны, были люди на улучшенных условиях содержания с законной возможностью хорошо отовариваться, но без денег. Чтобы восстановить Вселенскую справедливость, те, у кого были иски и финансовая возможность отовариваться по максимуму, искали тех, кто был на улучшенных условиях, но без грева (поддержки с воли). Родственники переводили на них деньги и, таким образом, искивики (так в зоне называют сидящих с исками) могли отовариться. Правда, людей на улучшенных условиях содержания и совсем без грева было мало и на всех не хватало, поэтому чаще всего искивики закупались на одну базовую величину. В основном, это были люди приличные, воспитанные и образованные (относительно остальных сидельцев), и их было немного жаль.

Но, несмотря, на подобные трудности, отоварку любили и часто на нее ходили даже те, у кого не было денег и они об этом знали. Потому что это было движение, потому что там можно было пообщаться с женщинами, потому что это был магазин – кусочек вольничей (вольной) жизни в зоне и определенное разнообразие. Кроме того, можно было присмотреть, кто что взял, чтобы потом поклянчить.

В дни отоварки на секторе отовсюду раздавалось шуршание оберток: зеки пили кофе со сгущенкой, ели рулеты. Даже совсем безденежные старались купить хотя бы халвичку, чтобы съесть её с чаем. Все были немного добрее и слегка опьянены небольшим дуновением свободы. Ведь в магазине мы сами решали, что взять. У нас был выбор, пусть и ограниченный по деньгам и продуктам, но выбор не из серых возможностей зоны, а раскрашенный цветными обертками конфет нескольких видов, колбасами и красной икрой. Пусть половину из этого многие зеки никогда бы себе не позволили, суть отоварки не в этом. Это был настоящий, магазин, с продавщицами, где ты на секунду мог почувствовать себя человеком.

Глава VII

Старый дом

Зона была переполнена. В карантине (своеобразном отстойнике, где зеков выдерживают две недели после этапа, пока к ним присматривается администрация и распределяет по отрядам) стояли трехъярусные нары. В секторах под спальни были переделаны некоторые раздевалки. Очень маленькие раздевалки, без окон. В них жили человек по десять, и было довольно душно.

Спальни

Жилая часть зоны состояла из двух кирпичных двухэтажных барачков на два подъезда. Двери в них находились с противоположенных сторон зданий и вели на разные этажи. Около каждого подъезда была относительно большая "локалка" – участок, огороженный забором (сам забор тоже называется "локалкой"), по которой зеки совершали променады. Подъезд с локалкой назывался сектором. В каждом секторе жило по два отряда.

Стадион, баня, столовая, санчасть и клуб (здание, где находятся библиотека, кинозал и администрация) – несут вспомогательную функцию и сейчас нас не очень интересуют. Жилые бараки 1981 года постройки, несмотря на бесконечные ремонты, выглядели нехорошо – было видно, что они многое пережили.

Не считая переделанных под спальни раздевалок, в нашем секторе, как и в других, было четыре спальни. Три "конюшни" – комнаты, в которых жило очень много зеков, человек по шестьдесят-семьдесят. И одна, относительно небольшая спальня на сорок человек, переделанная из "ленинки" (зал для просмотра телевизора и проведения собраний). В "ленинке" жили завхозы и прочие "авторитетные" зеки, находящиеся с ними в хороших отношениях.

Немного частной собственности

Когда я заехал в зону, огромные размеры спален, даже "конюшен", не ощущались. Поскольку хатки тогда еще занавешивали.

Хатком называют две нары, проход между ними и тумбу, если она там стоит. Фактически это маленькая квартирочка для зека, в которой он проводит большую часть своего срока: приходя с работы, отдыхая, перед сном, во время подъема, читая, кушая – все хозяйство и жизнь сосредоточены в хатке. Поэтому соседи по хатке зеки стараются выбирать себе сами, и делают это очень аккуратно, и тщательно обдумывая.

Так вот, хатки занавешивали с трех сторон простынями: по бокам и с прохода. Причем, занавеска на входе выполняла функцию двери: если простыня висела, значит, хозяйка занята чем-то важным и прежде, чем зайти в хатку, нужно постучать и дождаться разрешения войти. В некоторые хатки зеки ухитрились протянуть розетки (кое-кто проводил их даже под полом) и спрятать так, что, даже перевернув все вверх дном, милиция ничего могла найти.

Хотя в секторе была комната для хранения сумок и раздевалка, зеки многие свои вещи старались держать ближе к телу. Поэтому в хатках возле стен висели куртки, а под нарами стояли сумки. Как и комнаты, их старались украшать. Доходило до того, что в одной спальне в двух соседних хатках стены были выкрашены в абсолютно разный цвет, что очень раздражало милицию, любившую принцип "единообразия".

С хатками связана проблема дележа места. Периодически в спальнях проводили ремонты, и все нары нужно было выносить. Когда их возвращали, постоянно начиналась ругань за сантиметры территории, могло дойти и до драки. Это неудивительно: в ситуации жесткого ограничения пространства и довольно узких хаток сантиметр пола был равен километру, если не больше, земли на свободе. Бои за эти сантиметры были суровые. Потом зеки начали разными способами помечать места, где стояли нары, и ругани стало немного меньше.

Общественный интим

Телевизор стоял в коридоре. Пару раз по нему смотрели порнуху – был аншлаг. В зоне тема секса не очень интимная. Зеки, не стесняясь, обмениваются "мурзилками" (самодельными журналами в которые аккуратно и с любовью вклеивают картинки эротического, а, если повезет, то и порнографического содержания) и берут их друг у друга в пользование. А когда идут рассматривать журнал, выставляют "пикет" (в данном случае – зека, следящего, чтобы никто не потревожил интимную обстановку). В нашем секторе для этих целей использовалась комната хранения инвентаря для уборок, поэтому туда в любой момент могли заглянуть за шваброй, веником, тряпкой, ведром или хлоркой. И, если зек не хотел одной рукой держать дверь, то "пикет" был необходим...

Не менее демократично в зоне относятся и к другой интимной теме – туалету. Этому способствуют сами помещения. Везде, абсолютно везде, где я сидел, начиная от ИВС (изолятора временного содержания) и заканчивая ИУОТ (исправительное учреждение открытого типа, в народе "химия") туалеты полностью открыты, и все происходит на виду у товарищей. Уединиться нет никакой возможности!

В секторе туалеты тоже были сделаны с некоторым юмором. На двух постаментах друг напротив друга находилось по пять чаш Генуя. В одном ряду напольные унитазы были разделены очень маленькими перегородочками так, что сидящие могли комфортно общаться, видя лица собеседников и передавая, если понадобится, бумагу. Ряд напротив был безо всяких перегородок и использовался лишь для удовлетворения мелких надобностей. Получалось, что сидящие смотрели в спину тем, кто приходил по "маленькому". И тогда, казалось бы, несложный процесс превращался в настоящий акт борьбы с собой и жесткого самоконтроля. Потому что писать, когда тебе в спину, в упор, смотрят пять пар глаз, поверьте, крайне тяжело!

Умывальник vs. чайная

Рядом с туалетом был умывальник. Довольно грязный умывальник. С двумя стоками для воды у противоположных стен и несколькими кранами над каждым из них. Там же стояли две большие невысокие раковины для мытья ног и стирки. Поскольку в секторах была только холодная вода, то для стирки приходилось набирать ведро воды, нести его в чайную и там кипятильником несколько часов греть. Ту же операцию приходилось проводить и для того, чтобы полностью обмыться.

Чайной назывался небольшой аппендикс в коридоре с розетками и маленькой стойкой вдоль стены для кружек. Половина розеток постоянно была занята ведрами для стирки или мытья, их периодически отключали, чтобы нагреть чаю, забывали включить обратно, и, придя через пару часов, владелец ведра находил его холодным. Некоторые могли так греть воду полдня, пока не оставались следить, чтобы ведро не выключали.

Страна вечного ремонта

Ежегодно в секторе что-то ремонтировали. Естественно, все это делали за счет зеков. Осужденные давали на ремонт в добровольно-принудительном порядке. Обычно отрядник вызывал к себе человека, готовящегося идти на длительное свидание (свидание с родственниками длится от суток до трех) и ненавязчиво спрашивал, не хочет ли тот помочь краской для ремонта. Помочь хотели все, поскольку данный вопрос в преддверии встречи с родственниками, как бы, намекал на то, что в случае отказа в следующий раз могут быть проблемы с получением свидания.

Но вот что удивительно: несмотря на ежегодные жертвы, мы проигрывали бесконечную войну с обветшалостью. Здания выглядели старо, устало и убого, как изнутри, так и снаружи. И ничего с ними невозможно было поделать. Но потом...

Потом в зону вложили много денег, а вместе с ними пришли строители, приехала техника, и в колонии началась большая стройка...

Глава VIII

Тюрьма и тюремочка

"Для кого тюрьма, а для кого и тюремочка" – одно из распространенных выражений, которое зеки употребляли, когда хотели сказать, что кому-то очень комфортно сидится. А такие всегда были, как со стороны бывших "партайгеноссе", севших за взятки, так и со стороны тех, кто никогда не стремился подняться выше социального дна.

VIP заключенные

В принципе, чтобы чувствовать себя хорошо в зоне, нужно не так уж много: еда, быт и знание того, что тебе никто не помешает спокойно жить. Оно как бы и немного, но добиться этого весьма сложно. Несмотря на то, что все зеки братья, живут по общим понятиям и должны помогать друг другу, на деле, если человек не может "перегрызть глотку" в одно касание, на нем будут ездить все, кому ни лень. Кто-то просто попытается испортить жизнь из любви к искусству, а кто-то попробует обобрать до нитки и еще сделать своим "конем" (слугой) и все это с добродушной улыбкой и разговорами о взаимопомощи.

Следует помнить

Попадая в зону, следует помнить античную пословицу: "что дозволено Юпитеру, не дозволено быку". Возможности в лагере у всех разные, и ни о каком равноправии не может быть и речи. Обычно добиваются своих прав за время отсидки, постепенно, или же сразу, – демонстрируя окружающим свое место в пищевой цепочке: где нужно кулаками (но это уже в исключительных случаях), где хитростью, а где и обычной наглостью.

Попадая в зону, следует помнить, что даже заняв определенное положение в арестантском обществе, ты не можешь расслабиться ни на секунду. Каждый день происходит бесчисленное количество ситуаций, когда одним словом, сказанным кем-то в плохом настроении и проигнорированным тобой, ты можешь оказаться в самом низу тюремной иерархии.

Попадая в зону, следует помнить, что любое место, на котором находится человек, каким бы незавидным оно ни казалось, всегда захочет кто-то занять и поэтому нужно смотреть в оба.

Попадая в зону, следует помнить, что в зоне, как и на воле, никогда не было и не будет равноправия. О нем, как и о том, что все мы братья, вспоминают лишь тогда, когда от человека что-то нужно.

Попадая в зону, следует помнить, что все, абсолютно все, зависит только от тебя. И те место и положение, которые ты занял в тюремной жизни, выбрал себе ты сам, своей жизнью на свободе и поведением в неволе.

Попадая в зону, следует помнить о многом.

Биография

Есть две категории заключенных, имеющих, так сказать, VIP-статус – те, кто добился его за время отсидки, и те, кто заехал в зону с улучшенными правами сразу. Первые – довольно нервные ребята, поскольку им приходится подтверждать свое особое положение весь срок. Вторые же спокойны и относительно дружелюбны, ведь они знают, что в колонии они никому ничего доказывать не должны: отношение к ним в лагере – это результат их жизни на свободе.

Если с первой категорией осужденных все ясно – это обычные зеки, выходцы "из народа", так сказать, которые потом и кровью выбивают себе место "под арестантским солнцем". То вторые – это бывшие чиновники, милиционеры, бизнесмены и прочие категории граждан, занимавших на свободе, либо высокое положение, либо обладавших большими деньгами. О таких заключенных обычно заботится сама администрация, которая готовит им "теплое место" еще до того, как они попали в отряд.

Лирическое отступление. Бизнесмен

Я сидел в СИЗО под следствием, как раз в то время, когда на Володарке рухнула одна из башен. Чтобы разгрузить централ, людей начали развозить по разным тюрьмам, а в здании бывшего штрафного изолятора ИК-1 (которое к тому времени практически расформировали) сделали, что-то вроде филиала Володарки. В нем находились подследственные и осужденные, приписанные к судам двух минских районов.

"Филиал" получился небольшой, буквально на пару десятков камер.

В одной из них сидел очень крупный бизнесмен. Его дело в свое время гремело по необъятным просторам нашей Родины. Сергей (назовем его так) к тому времени "отдыхал" в зоне уже пару лет и, по идее, должен был растерять все свои связи и влияние. Но не тут-то было: он сам выбирал, кого заселить к нему в камеру. А на обед (я это лично видел) начальник нашего "филиала" собственноручно приносил ему еще теплую курицу-гриль, купленную в соседней «Короне», и салатик. По сравнению с остальными заключенными, Сергей очень хорошо себя чувствовал в тюрьме, да и в зоне, думаю, тоже.

Спокойная жизнь

Другие зеки таких заключенных тоже не трогают. В принципе, их не получится сильно "тронуть": поднаторевшие в подковерной борьбе еще на свободе, они отточили умение плести интриги до профессионализма. А учитывая, что почти в любом споре администрация постарается поддержать бывшего чиновника, милиционера или бизнесмена они становятся практически неуязвимыми.

Кроме денег, связей и умения плести интриги, эти заключенные создавали своеобразные кланы. Общаясь с зеками относительно вежливо и дружелюбно, они никого к себе близко не подпускали. Более того, если среди остальных периодически возникали какие-то ссоры, то эти никогда не выясняли отношений, а, наоборот, старались друг друга поддержать. Почему они всячески сглаживали острые углы в отношениях и старались не выплескивать негатив на "своих"? Думаю, они изначально знали, что зона для них – вражеская территория и, как на любой войне, они были вынуждены объединиться. Для других же зеков в колонии не было общих врагов, поэтому все они были разобщены, и каждый старался блюсти свои интересы.

Начало

В нашей зоне не всегда сидело столько чиновников, милиционеров и предпринимателей. Их стали завозить, когда расформировали ИК-1. Мне рассказывали, что перед тем, как в зону "подняли" (завели из карантина в отряд) первого милиционера, зеки в один голос утверждали, что порвут его на части.

"Подняли" сразу несколько БСников (бывших сотрудников органов внутренних дел). Зеки поднапряглись, кому-то вроде бы даже дали пару тумаков. Но! Зоновские опера и грамотное поведение самих бывших милиционеров быстро умилили заключенных и, когда я приехал в зону БСники и разного рода чиновники чувствовали себя в ней относительно неплохо. Когда

же я освобождался, их положение в арестантском обществе заметно укрепилось, и они имели далеко не последнее слово в решении бытовых вопросов.

Лирическое отступление. Милиционер

Со мной в отряде сидел бывший замминистра МВД. Посадили его уже за занятия бизнесом после выхода на пенсию. Казалось бы, вот он один из главных недругов любого арестанта – сам бывший замминистра! На нем можно отыграться за всех следователей, прокуроров и надзирателей.

Но этот дедушка с добрыми глазами и волчьей хваткой сразу, как заехал в зону, лег на нижнюю нару (у зеков иногда уходит по несколько лет, чтобы переехать с верхней нары вниз). А потом, довольно быстро, его переложили еще и в угол – нижние нары в углу считаются самыми лучшими и блатными спальными местами. Обычные зеки даже не мечтают туда лечь.

Нара нарой, – вполне вероятно, что здесь поспособствовала администрация. Меня удивило отношение заключенных к этому дедушке. Они все обращались к нему на Вы, слушали его истории, демонстрировали свое уважение. Завхоз, парень, который в свое время был "смотрящим" за сектором, и отсидел на "крытой" (тюрьма, где за систематическое неповиновение требованиям администрации сидят злостные нарушители), постоянно приглашал его попить чай и просто пообщаться. Бывший замминистра МВД с отеческой улыбкой смотрел на тех, кого посадили его подчиненные, и сам выбирал, кого допустить к общению с собой, а кого нет. Но всех держал на расстоянии.

Деньги – это деньги

От бывших правоохранителей по качеству жизни не отставали и бизнесмены. Но если БСников и многих чиновников администрация поддерживала из-за их связей и бывших должностей, то бизнесам приходилось за хорошую жизнь доплачивать. Обычно это были ремонты, замены окон на пластиковые стеклопакеты, покупка новых телевизоров, и другие, скрытые от посторонних глаз денежные операции о которых никто, как бы, не знал, но многие говорили.

Когда я сидел на Володарке, мне рассказывали, что там есть камеры повышенного комфорта, где богатые зеки сделали за свой счет ремонт, чуть ли не под евростандарт. И сидят там, соответственно, тоже непростые арестанты. Не знаю, насколько это было правдой, но глядя на то разделение, которое было среди заключенных, и те возможности, которыми обладали VIP-заключенные, я склонен этому верить.

Бизнесмены обычно тянулись к бывшим чиновникам и милиционерам.

Лирическое заключение. Чиновник

Со мной на "химии" (исправительное учреждение открытого типа, куда отпускают из зоны за хорошее поведение) сидел бывший крупный чиновник. Повязали его за попытку дачи взятки. Сам он был не минский, а из областного центра. В столицу чиновник не собирался переезжать, поскольку знал, что такой же уровень жизни, какой у него был, в Минске будет ему стоить огромных денег.

Сидел Владимир (назовем его так) в зоне, которая находилась в его родной области. И так получилось, что часть самого высокого начальства колонии были его хорошими знакомыми еще со свободы.

Перед тем, как попасть в отряд, каждый зек сидит две-три недели в карантине. За это время администрация к нему присматривается и решает, в какой сектор "поднять" заключен-

ного. Строить свою жизнь и добиваться каких-то "сладких" мест и должностей заключенный начинает уже после того как окажется в отряде.

Владимира же сразу после карантина сделали завхозом местного ПТУ – случай экстраординарный. И с первой же возможностью освободили на "химию". Наше ИУОТ, к сожалению, было в другой области, куда связи чиновника практически не доставали, о чем он сильно жалел. Поэтому он ушел на УДО не тогда, когда хотел, а на пару месяцев позже.

Глава IX

Рублевка для нищевродов

Зона все время ремонтировалась и достраивалась – было видно, что в нее вкладывают огромные деньги. Кто-то из зеков говорил, что лагерь хотят сделать специализированным для VIP-сидельцев. В зоне таких хватало – это были и довольно высокие чины из милиции и прокуратуры, и бывшие кандидаты, и крупные предприниматели, и прочие страдалцы, занимавшие высокие посты на свободе. Среди зеков даже ходила шутка, что зону чиновники заранее готовят для себя. Кто-то предполагал, что просто хотят сделать показательную колонию. Некоторые надеялись, что стали свидетелями не только глобальной реформы пенитенциарной системы, но и очередного шага в светлое будущее. Как бы там ни было, большинство зеков старалось наслаждаться улучшением быта.

По всем фронтам

А быт действительно улучшался. Сначала отремонтировали столовую, баню и клуб (здание, в котором находятся библиотека, кинозал и кабинеты администрации). Причем, ремонт был капитальный – от А до Я. Покончив с ним, начали строить новое двухэтажное жилое здание на четыре подъезда. Оно получилось хорошим, большим. В каждом подъезде помещалось по два отряда, которые назывались секторами. Сами подъезды вели на разные этажи и были разделены заборами. Еще пустое, строение создавало ощущение какой-то белорусской "европейскости", что ли, и современности, особенно по сравнению со старыми и замусоленными корпусами.

В здание постоянно ходили завхозы переезжающих отрядов, чтобы вместе с милицией окончательно подготовить новый корпус к приезду комиссии по приему и переселению в него счастливицков. Новое здание не могло всех вместить, и поэтому милиция отбирала людей из разных отрядов по каким-то внутренним соображениям и изначальным договоренностям с зеками.

Несмотря на рассказы завхозов о чудесах, которые они видели в новом корпусе, даже не снявшихся на тот момент зекам, очень немногие хотели переезжать. Конечно, и спальни на 24 человека, и стиральные машины, и большая "ленинка" (комната, предназначенная для просмотра телевизора и проведения собраний), и горячая вода в кранах, и даже души – вдохновляли! Но было одно огромное "НО!", омрачавшее радость: во-первых, переезд означал ломку сложившегося быта, что для зека всегда болезненно, а, во-вторых, всем было ясно, что в "новом секторе" администрация будет сильнее "закручивать гайки" по режиму содержания. Переезд показал, что зеки не ошиблись...

О быте и режиме

За свой срок, побывав в нескольких тюрьмах и зонах, я усвоил одно правило (это мое личное наблюдение, с которым можно не соглашаться): чем лучше отремонтированы помещения, чем красивее быт, тем хуже зекам сидится.

Для заключенных главное, чтобы администрация как можно меньше приставала с глупостями, навязывая свои правила. Поэтому, приезжая в тюрьму с грязными, обшарпанными стенами, темными коридорами и камерами, где более-менее приличные бытовые условия под-

держиваются за счет усилий самих зеков, ты понимаешь, что администрация здесь адекватная и к заключенным не лезет, позволяя им нормально жить. Но если же тюрьма светлая, чистая и отремонтированная, это означает одно – милиция здесь полностью контролирует ситуацию не только по хозяйственной части, но и по режиму (режим содержания – свод правил, по которому заставляют жить зеков), и у заключенных практически нет никакой личной свободы.

Происходившие в зоне изменения подтверждали мою правоту: чем дальше заходил ремонт, тем сильнее "закручивали гайки". Причем, это "закручивание" было медленным, безостановочным и малозаметным процессом. Только оглянувшись на пару лет назад, вдруг понял: "Ого! Поджали-то как!"

За полгода до переезда во всех секторах провели грандиозный обыск с конфискацией. Забирали все, что зеки делали на промзоне для облегчения или украшения жизни: табуретки, разделочные доски, самодельные тумбочки, щиты (сколоченные из нескольких досок, они клались под матрасы, и были нужны особенно тем, кто спал на пружинных нарах, поскольку те сильно прогибались, и спину выкручивало, как от лежания в гамаке), из нард и шахмат забрали самые красивые. Многого тогда забрали. Только из нашего сектора милиция увезла и спалила два грузовика ширпотреба. Два грузовика вещей, которые годами зеки делали на промзоне различными способами, затаскивали в сектор (часто с разрешения администрации) и никак не могли защитить...

Переезд

Переезд в новое здание сопровождался очередным обыском. Отбиралось все, что не смогли забрать полгода назад: кипятильники, заматанные изолентой, ведра из-под краски, в которых зеки грели воду, чтобы помыться и постирать вещи. Естественно, выкидывалось все запрещенное: ножи, "мурзилки" (самодельные журналы со вклеенными картинками эротического содержания) и просто то, что не нравилось милиционерам. У моего знакомого отрядник выкинул пластиковую крышку для кружки, потому что их было две. На резонные возражения товарища о том, что их пропустили официально и ему нужны именно две, иначе он бы заказал одну, отрядник ответил: "Накроешь журналом!"

Несмотря на обыски, усиление режима и на то, что сразу после приема здания горячую воду отключили, а души спилили, зекам новый корпус понравился. Он был светлым и просторным. В каждой спальне жило по тридцать два человека. После огромных "конюшен" (спален, в которых помещалось по семьдесят человек) старого корпуса, новые, хоть и рассчитанные всего на двадцать посадочных мест, казались дворцами.

Особенно радовали три двухкамерных холодильника и две стиральные машины. Все – фирмы «Атлант». За непопозволенную роскошь новое здание сразу же окрестили Рублевкой.

Стиральные машины от непрерывной эксплуатации месяца через три повезли в ремонт. Потом их еще пару раз возили. В конце концов, зеки начали вручную доливать воду в машинку, поскольку в ней сломался какой-то датчик, и перестали включать отжим. «Атлант» не был рассчитан на такие нагрузки. После освобождения я заходил в фирменный магазин компании – в зону поставили самый дешевый вариант машин. Но даже в таком виде стиральные машины сильно облегчали жизнь!

Холодильники – тоже несомненный плюс. В старом секторе их не было. Продукты хранили в большом деревянном шкафу на улице. Сколоченный зеками, он носил гордое имя холодильника, но "морозил" лишь зимой. Летом продукты могли и подпортиться.

К сожалению, портила впечатление комната для сушки белья (сушилка, как ее называли). Она была небольшой, без окон. Трубы с горячей водой проходили под деревянным полом, доски которого лежали на небольшом расстоянии друг от друга. Судя по замыслу, в сушилке должно было быть очень тепло. Но поскольку горячую воду перекрыли, вещи там не сохли, а

прели и оставались все время влажными. Спасали натянутые на улице веревки для белья. Через год-два после заселения сушилку подключили к трубам отопления, и она начала выполнять свои функции хотя бы зимой.

Носки

В новом здании перед зеками остро встала проблема... носков. До переезда осужденные сушили свои носки на перекладинах табуреток. В новом секторе это делать запретили, объяснив, что у нас есть прекрасная сушилка. Доводы о том, что сушилка не сушит, а наоборот, и если туда повесить восемьдесят пар носков, то места вообще не останется, милиция не принимала. Ответ был один: "У вас есть сушилка". Естественно, зеки продолжали сушить носки либо на табуретках, либо (те, кто спал на первом ярусе) вешали их под матрасы. Периодически по спальням проходил отрядник с палочкой и пакетом, собирал носки зазевавшихся парней и выкидывал. Парни шли ругаться. Отрядник им отвечал: "У вас есть сушилка".

На самом деле, это серьезная проблема! Мало того, что носки стоят денег, которые в зоне тяжело заработать, их может не быть в "отоварке" (зоновском магазине) и могут не передать родственники. Бывало, что после нескольких подобных рейдов отрядника кто-нибудь из зеков вообще оставался без носков.

Проблема более-менее разрешилась года через два с половиной. Сначала в сушилку провели тепло, а потом там натянули специальные веревки. И практически все зеки начали сушить носки там, где этого требовала администрация. Теперь основной проблемой стали кража носков из сушилки и их долгое висение на веревке.

Опять ремонты

Удивительным образом ремонт настиг новый корпус уже через полгода после нашего заселения. Сначала это были скромные подмазывания краской в малозаметных местах. Но уже через год он вошел в полную силу. В бараке красилось, штукатурилось, шпатлевалось все подряд, будто зданию не один десяток лет. Отрядники и завхозы опять побирались у заключенных на краску. Зеки опять давали.

В глазах зеков, привыкших к бедной и обшарпанной обстановке зон и тюрем, новый сектор выглядел "па-багатаму". Это действительно была местная Рублевка, построенная одними нищобродами для других...

Глава X

Суровое ПТУ

В зоне можно научиться многому. Наркоманы с радостью расскажут, как из подручных средств приготовить зелье, мошенники всегда поделятся секретом заработка на ровном месте, "домушники" или карманники обучат во время дружеской беседы основам своего ремесла. Так что, даже, если вдруг вы попали в тюрьму невинным и ничего не знающим агнцем, выйдете вы оттуда нагруженным богатыми знаниями во многих областях жизни.

Пытается ИК научить осужденных и более пристойным профессиям. Для этого во всех лагерях есть ПТУ, а в колониях для несовершеннолетних – школы.

В нашей зоне ПТУ использовалось зеками с одной целью – не ходить на основную "промку" (промзону)...

Осенний гон

Главным преимуществом ПТУ перед промзоной был четырехчасовой рабочий день... И отапливаемые классы. Поэтому конкурс в училище доходил до уровня престижных факультетов столичных ВУЗов – несколько человек на место.

В ПТУ было две специальности: мебельщик и резчик по дереву. Обучение длилось год. Никаких вступительных экзаменов! Единственное испытание – подписать заявление. И все – можно учиться.

Набор шел с конца августа и, где-то, до середины сентября. В это время у зеков начинался настоящий гон. Они пробирались в ПТУ различными путями: через милиционеров, с которыми были в хороших отношениях, либо через зеков, занимавших должности бригадиров и завхозов, к которым прислушивались работники зоны, либо через мастеров. Кто-то надеялся на везение – просто подавал заявление и ждал, пока его рассмотрят. Особенно развлекали случаи, когда на зека был зол кто-то из "козлов" (осужденные, занимающие должность при администрации), который пытался сделать все возможное, чтобы несчастный трудился по восемь часов на "промке". А второй "козел" пытался устроить этого же зека в ПТУ. Тогда плелись различные интриги, подтягивались новые силы в виде представителей администрации, проводились тактические маневры. И все это делалось с милой улыбкой, без единого плохого слова друг другу, потому что открытая вражда могла испортить жизнь, как одной, так и другой стороне.

Несмотря на столь сильный ажиотаж, постоянно были люди, ухитрявшиеся учиться в ПТУ не один год. Они договаривались с мастерами, и те каждую осень просили у милиции, чтобы их любимчикам разрешили снова поступить в училище. Иногда к их просьбам прислушивались, иногда нет. Потому что ПТУ в зоне было, скорее мерой поощрения, а не учебным заведением!..

Оружие добудь в бою!

Самой престижной специальностью в ПТУ была: «резчик по дереву», поскольку только у них были отапливаемые классы. Мебельщикам приходилось весь день болтаться в холодном цеху возле станков, на улице, или тусоваться в небольшой раздевалке, пока ее не начали закрывать.

Мебель в ПТУ делала из дешевого ламината бригада людей, записанных, как ученики, но работающих круглый год по двенадцать часов пять дней в неделю. Работали они не столько за деньги, хотя им немного платили, сколько за небольшие социальные блага – решить какой-то вопрос с администрацией в свою пользу. Мебель же ПТУ продавало за реальные деньги.

Естественно, имея такую опытную бригаду, училище не нуждалось в обучении новых работников – мастера не стремились тратить лишние силы на бесполезный труд. Поэтому практически все зеки, набранные в группы по производству мебели, в течение года были представлены сами себе, и единственным требованием к ним было – далеко не расходиться...

А вот резчики по дереву – другое дело. Их действительно учили. Но так... Немного позновски.

В начале учебного года каждому зеку мастер выдавал по одному ножу-косяку (основной нож резчика по дереву – для придания формы) и, если повезет, по "выборке" (полукруглый нож для выборки внутренних поверхностей). Первым заданием, для всех было – сделать по пять ложек, которые потом ПТУ продавало на различных ярмарках.

Инструменты для остальных заданий зеки делали сами. Более того, металл для ножей нужно было искать самому тоже. Приходилось бегать по "промке", договариваться, иногда красть металл, иногда покупать, чтобы получились более-менее нормальные резакки. Каждый год, весной, десятки зеков оставляли после себя наборы неплохих инструментов. И каждый год, осенью, мастера говорили, что инструментов у них нет, все нужно делать самому.

Я проучился в ПТУ несколько лет. Поначалу, в конце каждого года, я сдавал инструмент мастеру, но осенью я либо вообще ничего не мог найти, либо мастер отдавал мне пару самых плохих резакков со словами, что больше у него ничего нет и не было. Иногда он мог просто взять коробку с инструментом, весь его переписать, и заявить, что это изначально были его ножи. Самым обидным было то, что сделать в этой ситуации ты ничего не мог. То есть, отбегав несколько недель по "промке", всеми способами выискивая металл, ты лишался всего в одночасье и ничего не мог с этим поделать. Поэтому, наученный горьким опытом, я начал прятать свой инструмент... Да многие так делали!

Искусство vs быт

ПТУ было настоящим "храмом искусства", где творили не только красивые панно и статуэтки, занимавшие призовые места на выставках, но и ширпотреб. Для ширпотреба даже создали специальную бригаду, которая, как и мебельщики, работала по двенадцать часов пять дней в неделю. Курировал группу старший мастер: в ПТУ второй человек после директора, а, учитывая, что директора никогда не было, – первый. Ширпотреб делали, в основном, для милиционеров и проверок. Часть продукции куда-то уходила вместе со старшим мастером... Как и картины, работавшего в ПТУ художника.

Несмотря, на то, что картины, которые писал этот художник, стоили недешево, создавал он свои полотна чуть ли не из подручных средств и полувывсохших красок. Мастер обещал купить красок, холстов, кисточек, но почти всегда приносил какую-то дешевую и ненужную дребедень, по-отечески спрашивая, что нужно творцу для создания картин, и сокрушаясь, что забыл принести краски.

В ПТУ была ужасная ситуация с бытом и снабжением. У учеников и рабочих не было не только металла для резцов и красок, но и лака, и даже хорошую древесину для изделий приходилось искать самому в цеху деревообработки. Часто лака не было даже у мастеров. Куда уходили деньги, данные на ПТУ и заработанные училищем, оставалось загадкой.

ПТУ было частью цеха деревообработки, отделенной от него стенкой из пеноблоков, не доходящей до потолка. Естественно, в училище не было ни туалета, ни кранов – все осталось со стороны цеха. Чтобы сходить в туалет или набрать бутылку воды для чая, приходилось клян-

чить у мастера ключ от ворот, отделяющих ПТУ от "промки". Сделать это было довольно легко, когда не было никаких комиссий или обхода начальника по территории колонии. Если же кто-то из проверяющих или руководства зоны был на "промке", никуда выходить с территории ПТУ ученикам не разрешалось – сиди, терпи! Зеки ругались, но сидели и терпели, выбора-то особо не было.

Экзамены

В конце года в ПТУ случался экзамен по теории. Преподаватель приносил стопку книг, клал ее на стол, раздавал билеты с вопросами, и либо уходил, либо помогал зекам отвечать. Естественно, почти все сдавали на пять. Потом училище присваивало разряды. Делали это, глядя на работу в течение года, поэтому довольно объективно. Но почему-то, никому не говорили какой у него разряд.

Несмотря на весь бардак, творившийся в ПТУ, в нем можно было научиться профессии, потому что там, где вопрос не касался материальной составляющей, мастера шли навстречу и всегда старались помочь.

Учась в этом ПТУ, я понял одно: для того, чтобы "грызть гранит науки" нужно запастись не только желанием, терпением и зубами, но иногда добыть и сам этот "гранит", причем, добыть в суровом бою!

Глава XI

Тяга к прекрасному

Зоны всегда славились ширпотребом. Ножи, нарды, шахматы, шашки, одежда, календари, блокноты, красивые ручки – все это зеки иногда доводят до уровня искусства и продают, дарят или, если совсем хорошо получилось, стараются оставить себе.

Искусство для милиционера

Удивительно, насколько творчески, серьезно, с какой самоотдачей осужденные подходят к производству ширпотреба! Человек мог пить всю жизнь, зарезать двоих в пьяной потасовке, сесть в тюрьму, и тут открыть в себе талант великолепного резчика по дереву, художника, мастера по металлу – творца, одним словом! Правда, многие, освобождаясь, опять начинают пить, видимо, заглушая творческие муки.

Скорее всего, тяга к прекрасному – реакция на те серость и мрак, которые окружают нежную душу зека в тюрьме и зоне. Ну и, конечно же, не растраченный творческий потенциал, нашедший себе, наконец-то выход. Поверьте, иногда зеки делают такие вещи, что просто дух захватывает! Естественно, эти вещи всегда находят потребителя.

Главными ценителям ширпотреба являются милиционеры, они же и главные его потребители. Чтобы передать на волю ("выгнать", как говорят в зоне) какой-нибудь ширпотреб, нужно договориться с милиционером, а чтобы с ним договориться, нужно его "прикормить". Вообще-то, не каждый милиционер не у каждого зека что-либо возьмет – это знак особо доверия. Ведь заключенный может и сдать, и проболтаться. Поэтому ухаживание за милиционером напоминает ухаживание за девушкой – такое же нежное и неспешное. Одарить охранника пытаются не только своими произведениями, но и обычными кофе, сигаретами, сладким.

Иногда, конечно, представители администрации сами обращаются к осужденным, занимающимся ширпотребом, чтобы те им сделали что-нибудь. Часто берут ширпотреб к приезду проверок из ДИНа (Департамента Исполнения Наказаний). В нашей зоне ДИНовцев постоянно задаривали всякими панно, статуэтками и прочим деревянным хламом. Куда они эти произведения деревянного искусства девали, – ума не приложу, поскольку тянули их с ПТУ для каждой проверки (у нас практически весь ширпотреб делался в училище).

Один мой знакомый, сидевший в другой зоне и тоже занимавшийся ширпотребом, рассказывал, как зампорор (заместитель начальника по оперативной и режимной работе – чаще всего второй, а иногда и первый человек в зоне) попросил его сделать тайник в полу в человеческий рост, чтобы прятать там ширпотреб, отложенный в подарок для всяких комиссий и проверок. На "шухер" (в данном случае – отгонять незваных гостей) подрядил ДПНК (дежурного помощника начальника колонии). Обычно ДПНК дежурят посменно и регулируют жизнь зоны: очередность похода в столовую, на работу, выхода в санчасть, посылают контролеров в обходы по зоне, проводят проверки, в общем, кучу вопросов решает дежурный помощник! А здесь он стоял по приказу зампорора на "шухере" у зека, пока тот долбил бетонный пол и копал тайник для ширпотреба, высотой в собственный рост.

Прикормка для милиционера

Бывали случаи, когда один милиционер просил заключенного сделать какую-нибудь вещь, а второй этого же зека ловил, когда тот делал нелегальный заказ первому охраннику. Тогда осужденный шел к своему заказчику, и тот решал вопрос. Старался решить.

Часто милиционеры пытались друг другу испортить жизнь за счет зеков. Один знакомый рассказывал: посадили его в ШИЗО – штрафной изолятор, сажают туда на десять суток и больше. Место очень неприятное: кормят плохо, днем можно только сидеть на узкой скамеечке, и ходить. Ни чая, ни сигарет – ничего, только мыло, туалетная бумага и роба с тапочками. Зеки всегда выходят оттуда бледными, изможденными и худыми. Так вот, у моего знакомого нашли мобильник, а в зоне это одно из самых серьезных нарушений. Посадили на десять суток. За это время к нему пару раз приходил оперативник и предлагал более удобные условия жизни в изоляторе, если знакомый скажет, что мобильник ему пронес один ДПНК, на которого у опера был "зуб".

Стоит отметить, что даже "прикормленный" милиционер не гарантировал спокойной жизни. В любой момент этот самый милиционер мог "своему" же зеку "повесить" нарушение – но это были крайние случаи. В основном, охранники ценили и берегли зеков, делавших для них заказы.

А делали много! Мой товарищ, освободившись, подсчитал, что, если бы охранники платили ему даже по самой низкой рыночной цене, то он бы из зоны уехал на машине. "Глянь, – сказал он, показывая какую-то запчасть в интернете, – двести баксов, а наш опер дал мне за нее триста граммов чая!"

Ты мне, я тебе

Конечно, главной платой за изготовление заказов для администрации были более-менее удобная жизнь в зоне и хоть какое-то ощущение уверенности в этой жизни. Этот же товарищ рассказывал, как однажды к нему в "кандейку" (в зоне это и раздевалки на промке, где постоянно сидят зеки, и кабинеты мастеров, и кабинет бригадира – в общем, любое помещение, служащее своеобразным офисом) пришли контролеры и молча начали обыск.

Знакомого это несказанно удивило, поскольку он делал ширпотреб для верхушки зоны: все заместители начальника, опера, режимники, ДПНК – все офицеры "паслись" у него. Иногда к нему в "кандейку" кто-нибудь из охранников приходил просто потрындеть и попить кофе.

И вот двое контролеров – представителей низшего звена в иерархии администрации колонии, обыскивают его "офис"! Естественно, они ничего ценного не нашли, поскольку у меня был умный товарищ и все ценное у него всегда было хорошо спрятано, несмотря на прекрасное отношение со стороны милиции. Поэтому контролеры забрали вентилятор, сказав, что это: "Запрет". Добавив: "Ня с тыми дружыш" – они ушли, победно хлопнув дверью.

"Ну, "ня с тыми", так "ня с тыми", – подумал мой товарищ, набирая номер ДПНК (у него в кандейке стоял внутренний телефон). Быстро объяснил ситуацию, заодно спросив, с кем ему все-таки следует дружить? Офицер выслушал, подумал и сказал, чтобы высылали человека за вентилятором.

Контролеры – это обычные солдаты, в основном, старшины, которые подчиняются абсолютно всем офицерам, особенно ДПНК. Поэтому, придя на КПП, они получили сильный нагоняй от дежурного помощника, вернули вентилятор и несколько месяцев сидели на вышке. Вышки стоят снаружи, по периметру зоны, и это самая неблагоприятная работа для контролера: сидят там по несколько часов, потом отдых пару часов, потом снова дежурство. Зимой на вышке холодно, летом – жарко и никуда с нее не отойдешь.

Вернувшись в зону, эти контролеры боялись подойти к мастерской моего товарища на пушечный выстрел.

Один контролер году в 2012-м (точно не помню) на вопрос о зарплате ответил, что получает пять миллионов: "Конечно, я бы мог пройти на завод и получать там больше. Но на заводе нужно работать! А здесь я с дубинкой отходил, сначала день, потом ночь и два выходных. И пенсия раньше". И он не прогадал: на заводах уже заработать нельзя, а ему пару раз зарплату повысили, поскольку работа тяжелая и опасная...

Охранники с заключенными всегда находились в определенных симбиотических отношениях – это естественно для любого закрытого общества. И всегда между ними происходил обмен: зеки давали материальные ценности, охранники – возможность более человеческого существования. Иногда и поесть с воли приносили.

На мой взгляд, эту ситуацию изменить не удастся, как бы "сверху ни закручивали гайки", поскольку общение, а, соответственно, и определенное сближение, заложено в самой природе человека.

Глава XII

Муки спорта

Зеки очень любят спорт. Во всех его проявлениях. В нашей зоне был прекрасный стадион с двумя полями – для мини-футбола и обычного, волейбольной площадкой и неплохой коллекцией штанг, тренажеров и гантелей (называемых "железо"), которые мужики сделали своими руками. Кроме того, заключенные старались не пропустить ни одного спортивного состязания, идущего по телевизору. Время различных международных кубков или, не дай, Бог, Олимпийских игр превращалось в череду бесконечных спортивных трансляций и переживаний.

О, спорт, ты – жизнь!

Летом площадка с "железом" напоминала фильмы про американские тюрьмы. Куча здоровых зеков с суровыми лицами тягали штанги, гантели и прочие тяжести. Поскольку зеков было больше, чем "железа", из-за штанг и гантелей периодически поругивались. И никак не могли определиться с очередью к снарядам. Зимой же на стадионе занимались истинные фанаты, причем, иногда перегибая: выходили и в ливень, и в тридцать градусов мороза – это считалось проявлением истинных силы воли и спортивного духа, а не дурью от нечего делать.

А в зоне действительно занятий было немного, поэтому большинство отдавало себя спорту. Особенно качалку любили бывшие наркоманы и алкоголики. Глядя на то остервенение, с которым они "рвали железо", бегали, играли в футбол и волейбол, можно было решить, что попал на какую-то базу подготовки олимпийского резерва, но никак не в исправительную колонию.

Из зоны, при желании, можно было освободиться очень спортивным человеком, для этого было много возможностей. Летом, когда позволяла продолжительность светового дня, каждый сектор (в одном секторе находится два отряда) мог дважды выходить на стадион: утром и вечером. Зимой – только один раз. В будние дни занятия длились сорок пять минут. В выходные, независимо от поры года, продолжались вообще по полтора часа, но один раз в день.

Сидя по много лет, осужденные становились настоящими профи в бодибилдинге. Они сами составляли программы занятий (и не только себе), могли грамотно расписать питание, причем, из подручных продуктов, и прекрасно знали технику выполнения абсолютно всех упражнений. По рукам ходило множество специализированных журналов, зачитанных до дыр, самыми популярными из которых были Muscle&Fitness и Железный мир.

Конечно, не все, выйдя на свободу, продолжили заниматься спортом. Я лично знаю несколько человек, до посадки ни разу не прикоснувшихся к гантели, но после освобождения продолживших ходить в качалку.

Проблемы негров...

Довольно непонятно было отношение администрации к нашим занятиям спортом. С одной стороны, проводили различные соревнования, вроде, давали добро на то, чтобы на промзоне делать "железо", всячески поощряли здоровый образ жизни, но...

Но сделанное на промзоне неделями не давали вынести на стадион. На матчи по футболу с командами с воли иногда не пропускали эти самые команды, запретили абсолютно любое спортивное питание. Несколько раз в отоварке (магазин в зоне) продавали Беллактовское сухое молоко с повышенным содержанием протеина, специально для занятий спортом. Его мгновенно раскупали. Потом это молоко убрали с прилавка. Периодически в умывальниках запрещали целиком обмываться после стадиона (либо только верхнюю часть туловища, либо только

нижнюю). Однажды летом, когда было очень жарко, заставили выходить на стадион в робах, в которых мы ходили по колонии, и заниматься в клифтах (верхняя часть костюма) с бирками. Мотивировали это тем, что стадион – часть жилой зоны, где "нужно соблюдать форму одежды".

По каждому такому запрету собирались люди и шли к милиции договариваться, просить, обещать, уговаривать, чтобы разрешили или вернули все, как было.

Вообще, складывалось ощущение, что занятия спортом администрации были не выгодны, потому что, во-первых, позволяли забыть, что мы зеки и должны страдать (поэтому и придумывали всяческие сложности – чтобы помнили). Во-вторых, боялись, что осужденные станут слишком сильными и начнут придумывать всякие глупости. Это не шутка – большинство контролеров (солдаты, охраняющие заключенных, по зоне всегда ходят парами) были гораздо менее спортивными, чем зеки, годами занимающиеся на стадионе. Помню, как один из таких спортсменов орал матом на довольно гадкого контролера, тот же в ответ молчал, спрятав голову в плечи.

Титаны, на выход!

Где-то, с 2011 года в зоне стали проводить "Битву титанов". Это был настоящий праздник спорта и демонстрация человеческих возможностей. За основу взяли соревнования по силовому экстриму. Зеки носили "чемоданы", поднимали "бревно", таскали "коромысло", впрягались и тянули грузовую машину, поднимали камни и выполняли прочие упражнения на время, либо на дистанцию, с грузами, весившими не один десяток, а, часто, и больше сотни килограммов.

Зеки и администрация подходили к "Битве титанов" с большой ответственностью. Со временем нарисовали баннер, сделали специальные снаряды для соревнований, проводили фото- и видеосъемку, также были жюри, ведущий, музыка. Однажды пригласили с воли какого-то чемпиона Европы, очень большого мужика, который рвал пачками телефонные справочники, колоды карт и надувал грелки так, что те лопались.

То, что делали зеки на этих соревнованиях, действительно, впечатляло! Конечно, до тех весов, которые показывали профессионалы, они не дотягивали, но, если учитывать, какое у осужденных было питание, практически полное отсутствие специальных спортивных препаратов, постоянные недосып, стресс и временное ограничение занятий, – парни показывали прекрасные результаты. А, если вспомнить, что многие из участников начали заниматься спортом только в зоне, то поднятия над головой, на количество раз за минуту, восьмидесятикилограммового "бревна" (одно из упражнений в соревнованиях) просто поражало! И это, повторюсь, практически без специального спортивного питания.

Главное, чтобы на здоровье!

"Практически", потому что, несмотря на все преграды, зеки протаскивали различные добавки. Креатин, проноболы, БЦА... Все это в зоне было, но в очень ограниченном количестве и только для избранных. Для тех, у кого были настолько хорошие "подвязки" с милицией, что они чуть ли не официально ("по зеленой", как это называют в зоне, т.е. с разрешения) пользовались этими добавками.

Запрет на спортивное питание и ограниченные возможности хоть что-то достать иногда порождали совершенно безумные поступки. Например, один парень, начавший заниматься в зоне и уже через несколько лет участвовавший в "Битве титанов", каким-то образом раздобыл инсулин. Этот гормон кололи себе бодибилдеры, он использовался, как анаболик. Сомневаюсь, чтобы кто-то сейчас стал так рисковать здоровьем.

Так вот, этот парень приходил с тренировки, брал заранее заваренную сладкую кашу и, прежде, чем идти мыться, вгонял себе инсулин. Терпел до упора, и, как только чувствовал, что готов потерять сознание, быстро ел кашу, приходил в себя и шел мыться.

В основном же, зеки, которые занимались на стадионе, ели овсяные хлопья, сухое молоко, сгущенку и орехи (если они были), купленные в "отоварке" или полученные в передаче. Кто был побогаче, старался разнообразить свой белковый рацион сырами и мясом. Совсем бедные питались исключительно "положняком" (едой, которую давали в столовой). Результаты были у всех, хотя качество и время, потраченное на их достижение, естественно, сильно различались.

Не только о "железе"

В зоне был и второй лагерь – принципиальных противников накачки мышц "железом". Они много бегали, растягивались, занимались со своим весом и считали все это "качание" полным идиотизмом.

Другие играли в футбол и волейбол. Причем, любителей футбола в зоне было очень много. Ежегодно в лагере проводили несколько чемпионатов по большому и мини-футболу. Постоянно приглашали поиграть команды с воли. Проводили соревнования: осужденные против администрации. Осужденные никогда не поддавались и довольно часто выигрывали у милиции. Милиция не обижалась.

В итоге

Стадион был необходим зекам, чтобы убирать все то напряжение (сексуальное, в том числе), которое у них постоянно скапливалось. Мужики сами говорили, что нервные и раздраженные, позанимавшись на стадионе, они становятся гораздо спокойнее. В зонах, где стадионов не было, заключенные занимались с самодельным "железом" в секторах, на промзоне, в общем, устраивали "качалки", где могли.

В итоге, несмотря на положительный эффект стадиона и занятий бодибилдингом, администрация решила: "хорошего понемножку", и усложнила вопрос занятий спортом донельзя. По рассказам ребят, освободившихся после меня, "качалку" спрятали со стадиона за баню, обнесли забором, и ходить в нее теперь можно только по разрешению администрации. Чтобы получить это разрешение, зек должен быть со всех сторон "положительным". И вообще, поговаривают, что стадион – это "барство" и его нужно закрыть.

И, возможно, закроют. Потому что спорт в зоне – мера поощрения. А как можно поощрять общедоступными вещами?

Глава XIII

Немного чистоты и много проблем

Вопрос мытья в зоне и тюрьме был таким же острым, как все остальные вопросы в этих заведениях. Проблемы начинались с самого ареста.

Лично меня арестовывали лицом в лужу, причем, это была единственная лужа в радиусе десятка метров. Со мной в отряде сидел бывший спецназовец, который рассказал, что, где бы ни была грязь, тебя в любом случае попытаются дотащить до этого места и плюхнуть туда. "Это одна из мер психологического давления на человека, чтобы он меньше думал о сопротивлении!" – наставительно сказал парень.

Хочешь – не хочешь, а мыться негде

Меня завезли в ИВС (изолятор временного содержания: в нем после ареста могут держать до трех суток, пока на задержанного оформляют бумаги) старого образца. Вместо нар "сцена" – деревянный подиум во всю длину камеры у противоположенной от входа стены. Одна лампочка над входом, тусклый свет от которой практически без остатка поглощали темные стены покрытые "шубой". Раковины не было: кран тек прямо в "лузу" (назвать чашей Генуя эту дырку в полу язык не поворачивается). Камера была достаточно грязной и неприветливой. Попадая в такие условия, в последнюю очередь думаешь о мытье, так, слегка обмоешься и все: сидишь – думаешь – переживаешь.

Даже потом, когда я немного привык к тому, что сижу, приезжая в ИВС по вызову следователя, я с трудом представлял, как там можно более-менее тщательно помыться. Благо, пребывание в этом изоляторе длилось не больше нескольких дней, а по приезду с этапа, еще до того как разводили по камерам, все желающие могли пойти в душ.

Вещи после ИВС нужно было стирать обязательно, они воняли затхлостью, табачным дымом и каким-то "бомжатником", как этот запах называют зеки. Название, кстати, очень четкое.

В ИВС я впервые заметил разделение, которое потом будет отчетливо проявляться в течение всего срока.

Я был в камере со "строгачами", имеющими по две и более "ходок". В ИВСах особенно не следят за разделением по режимам содержания, поскольку места там мало, а людей проходит много. "Строгачи" и "первоходы" (люди, впервые попавшие в МЛС) сидят вместе. И вот именно среди "строгачей", пребывание "за решеткой" для которых не было таким шоком, как для меня, одни просто сидели, не ухаживая за собой, лишь по утрам ополаскивая лицо. А другие, даже в таких грязных, темных и сырых камерах старались по возможности каждый день умываться, протирать пол, как-то наводить порядок вокруг себя. Эти вторые – энергичные и деятельные люди, глядя на которых было видно, что они в любых условиях, попытаются сделать жизнь для себя комфортной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.